

За пригорком дети увидели большую группу тесно стоящих деревьев, как в лесу.

«То, что надо», — подумал мальчик и направился к деревьям.

Под высокой раскидистой елкой снега было меньше. Пашка глубоко вонзил лопатку в снег, потянул ручку внаклон — она прогнулась и чуть не сломалась. Слежавшийся снег не поддавался. Тогда Пашка стал вырубать лопаткой снежные кубики.

— Ой, кирпичики! — обрадовалась Таня. — Можно, я буду дом строить?

Дело пошло на лад. Пашка вырубал кубики, а сестра относила их и складывала в стенку. Но копать пришлось долго, пока под лопаткой не появилась земля с прелыми листьями, хвойными иглами и зеленой, живой брусничной веточкой с одной красной ягодкой. Пашка обрадовался: раз под снегом живет брусника, значит, могут жить и подснежники. Он достал из ямы эту зеленую веточку и спрятал в карман своей куртки.

Другую яму он начал копать в нескольких метрах от первой. Но не успел вырыть и половины, как с елки спрыгнула серая пушистая белка. Она потерла мордочку передними лапками, как будто умылась, и уставилась бусинками глаз на детей.

— Белка, белка, иди к нам, — позвала ее Таня. — Надо ей что-нибудь дать.

Пашка порылся в карманах и нашел немного крошек от печенья. Белка не боялась людей, и если бы мальчик протянул к ней руку с крошками, она бы взяла их с руки. Но Пашка этого не знал. Он размахнулся и бросил крошки в сторону белки. Белка испугалась этого жеста и побежала от детей. Таня бросилась за ней, а Пашка — за Таней. Белка почему-то не прыгала на дерево, а бежала по снегу. Таню снежный наст выдергивал, бежать ей было легко, а брат часто проваливался, выбивался из сил и отставал.

— Таня, Танька, противная, стой! — кричал он.

Сестра не слушалась. Она остановилась, только когда белка прыгнула на дерево и пропала из виду. Пашка готов был поколотить сестру за непослушание, но девочка и без того плакала.

— Ты чего ревешь? Я из-за тебя снегу набрал в сапоги!

— Мне белку жалко! Ты ее напугал! Еще я варежку потеряла.

— Ладно, не хнычь, — пожалел брат сестренку, — возьми мою рукавичку.

Вокруг теснились высокие деревья. Было сумрачно. Небо заволокли лохматые тучи. Наступал вечер. Только сейчас Пашка вспомнил, что им давно пора быть дома. Мама, наверное, уже ищет их. Скорей, скорей на дорогу!

Когда дети выбрались по своим следам из гущи деревьев, стало быстро темнеть. Пошел густой мокрый снег. Он закрыл обзор и спрятал все следы на дорожке. Пашка взял сестру за руку и пошел, нащупывая ногами дорожку. Через десять шагов они наткнулись на садовую скамейку, покрытую снегом.

— Я устала, хочу отдохнуть, — захныкала Таня.

— А домой ты не хочешь?

— Очень хочу.

— Тогда не хнычь, терпи. Скоро выйдем из сада, тогда отдохнем.

Еще через несколько шагов дети сбились с дороги. Сколько Пашка ни пытался нащупать дорогу, его ноги проваливались в глубокий снег. Он выбивался из сил, но упорно шел вперед. Сестра не проваливалась в снег, но и она очень устала. Приходилось часто останавливаться.

— Паша, мы заблудились? — тихо спросила Таня.

— Не выдумывай! Скоро приедем.

— А вдруг волка встретим?

— Глупости! Ты же сама говорила, что в городе волков не бывает.

— Говорила, говорила. А все равно боюсь.

— Дедушка говорил, что надо кричать. Тогда волки сами испугаются и убегут.

— Тогда давай покричим?

Дети остановились и стали кричать во весь голос: «Э-ге-ге! О-го-го!» Но голоса их вязли в густой темноте, и становилось еще страшнее. Пашка понял, что они заблудились. Надо вернуться назад, к скамейке. Там дорожка, там надежда на спасение. Глубокие следы его снег не совсем упрятал, еще можно было их различить.

